

Глава 1

Сидя в вагоне набирающего скорость поезда, Хилари Кэрю с горечью думала о Генри. Это он виноват, что она села не в тот поезд, — здесь нет никаких сомнений. Ведь если бы ей не пришлось наблюдать, как он гордо вышагивает по платформе со столь свойственным ему видом человека, заплатившего за интересующую его вещь и желающего немедленно убедиться в том, что ее качество соответствует его ожиданиям, она не утратила бы самообладания и не спряталась бы в первый попавшийся вагон. Вагон был третьего класса в составе, подошедшем к платформе, находящейся справа. Теперь стало очевидно: ей нужно было сесть в поезд, стоявший с другой стороны перрона. Вместо пригородной электрички, следующей в Уинсли-гроув со всеми остановками и прибывающей на станцию Миртл-терис-20 как раз в то время, когда тетушка Эммелин садится пить чай с пирожными, она очутилась в междугороднем поезде, который продолжал набирать скорость и, казалось, собирался следовать без остановок еще несколько часов.

Хилари посмотрела в окно и увидела лицо Генри. Стоял ужасный, сырой и туманный, день. Генри тоже уставился на нее из тумана. Нет, было бы неправильно считать, что он уставился на нее, так как на это способен лишь человек, утративший самообладание, а о Генри такого не скажешь. Он смотрел так, будто видел перед собой ползущего черного таракана или жутко надоедливую ребенка. Разумеется, гораздо лучше, если бы он вы-

шел из себя, но уж таков Генри. Сама Хилари обладала совершенно другим нравом, благодаря которому сразу же оказывалась в самом центре событий. Она покраснела от злости, вспомнив о ссоре — незабываемой ссоре и разрыве помолвки — и об отвратительном спокойствии, с которым вел себя Генри. Он смотрел на нее точно так же, как и сейчас на станции. Самодовольство — вот каково основное качество характера Генри, чертовское самодовольство. Если бы он просто попросил ее отказаться от прогулок с Бэзиллом, она бы, скорее всего, согласилась. Но он приказал ей сделать это, попутно сообщив о различных подробностях жизни Бэзила, которые его совершенно не касались, и это, разумеется, вывело ее из себя.

Но по-настоящему ее приводила в ярость мысль о том, что Генри оказался прав: после ссоры, когда она все же начала встречаться с Бэзиллом, она это поняла, но, к счастью, их отношения не зашли слишком далеко. Правда, к тому времени она уже высказала Генри все, что думала о нем и его собственнических замашках, а в завершение швырнула ему в лицо обручальное кольцо. Хуже не придумаешь.

Если бы в тот момент он рассердился, они могли бы еще уладить ссору, попытавшись понять друг друга и помирившись в порыве взаимной нежности. Но он сохранял спокойствие, ледяное спокойствие, когда она сообщила ему о разрыве помолвки! Неожиданно на ум Хилари пришли неприличные строки. В ней жил настоящий бесенок, который всегда был готов сочинять бессмысленные стишки в самые неподходящие моменты. Из-за него она оказалась в ужасно неловкой ситуации, продекламировав в шестилетнем возрасте четверостишие, посвященное ныне покойной тетушке Арабелле:

У тетушки Арабеллы очень длинный нос,
Но никто не знает,
Почему он рос,
Став длинным и острым, как шип алых роз.

Она не слишком-то любила тетушку Арабеллу, а после этих стихов и тетушка Арабелла перестала питать нежные чувства к своей племяннице.

Теперь бесенок нашептывал ей такие строки:

Если бы Генри умел сердиться,
Вам бы совсем не пришлось расходиться.

И это была правда.

Помолвка была разорвана месяц назад.

Очень трудно продолжать сердиться по прошествии целого месяца. Хилари легко могла вспылить, но не была мстительной и злопамятной. Уже спустя две недели она задумалась о том, что Генри пора бы написать ей письмо с извинениями. Через три недели она стала сама ходить за почтой. А в последние несколько дней мысли о холодном и безрадостном будущем без Генри начали терзать ее душу. Неудивительно, что любая мелочь сейчас могла вывести ее из себя.

А затем воображение сыграло с ней поистине злую шутку. Глаза Генри, смотревшие на нее из тумана и проникавшие в душу, утратили презрительное и высокомерное выражение. Они изменились, засветившись радостью и любовью. Но они никогда больше не будут так смотреть на нее, никогда. О, Генри! Она почувствовала, будто кто-то вонзил ей нож в сердце. Такая сильная боль. Только что она сердилась на Генри и вот теперь чувствовала себя слабой и беззащитной. Гнев исчез, оставив место холодному неприятному осадку в душе. В глазах предательски защипало. «Ты ведь не собираешься расплакаться в вагоне поезда?»

Она закрыла глаза и отвернулась от окна. Лучше туда больше не смотреть. Туман способен на самые подлые шутки, он может напомнить о твоём одиночестве, о том, чего вовсе не следует вспоминать. Нельзя поддаваться на эти дурацкие уловки, прежде всего нужно выяснить, куда направляется этот ужасный поезд и когда будет следующая остановка.

Кроме нее, в купе находились еще два человека. Они занимали внутренние угловые сиденья и интересовали ее не больше, чем пара дорожных чемоданов. Обернувшись, она увидела, что один из пассажиров, мужчина, открыл раздвижную дверь, чтобы выйти в коридор. Как только он исчез из виду, сидевшая напротив него женщина сразу же пересела к ней на скамью и, немного наклонившись вперед, стала внимательно рассматривать Хилари. Это была пожилая женщина, и Хилари показалось, что у нее весьма болезненный вид. Она была в черной фетровой шляпе и сером пальто с темным меховым воротником — аккуратная неприметная одежда почтенной женщины, переставшей беспокоиться о своей внешности, но сохранившей стремление к опрятности благодаря привычке и воспитанию. Под темными полями шляпы ее волосы, лицо и глаза имели одинаковый сероватый оттенок.

Хилари сказала:

— Я села не в тот поезд. Это звучит довольно глупо, но не могли бы вы сообщить мне, куда он идет, — я не имею об этом ни малейшего представления.

— Ледлингтон, — ответила женщина, — первая остановка Ледлингтон. — А затем добавила прерывающимся голосом: — О, мисс, я сразу же вас узнала. Слава богу, он не догадался! Но он вернется с минуты на минуту, он ни за что бы не ушел, если бы узнал вас. О, мисс!

Хилари ощутила нечто среднее между жалостью и отвращением. Она никогда раньше не встречала эту женщину. Или встречала? Она не знала. Она подумала, что, возможно, видела ее, но никак не могла вспомнить, где именно. Нет, это ерунда, она не знакома с этой женщиной; должно быть, эта несчастная сошла с ума. Ей захотелось, чтобы мужчина поскорее вернулся; ведь если перед ней действительно сумасшедшая, то Хилари оказалась отрезана от выхода, так как женщина сидела между ней и коридором.

— Боюсь... — начала она тихим вежливым голосом, однако женщина сразу же прервала ее, вновь подавшись вперед:

— О, мисс, вы меня не знаете, я заметила, как вы смотрели на меня. Но я узнала вас, как только вы вошли в купе, и я молилась о том, чтобы мне выпал случай поговорить с вами.

Кисти ее рук в черных лайковых перчатках были сжаты. Кожа туго обтягивала суставы, но кончики необычайно длинных пальцев оставались разогнуты. Пальцы нервно подергивались, сгибаясь и разгибаясь. Их непрерывное движение вызывало у Хилари настоящий ужас. Ей казалось, все тело женщины напряжено от боли.

Она тихо произнесла:

— Пожалуйста...

Голос женщины стал тихим и безучастным. Покашливая и запинаясь от волнения, она настойчиво продолжила:

— Я видела вас в суде, когда слушалось дело. Вы сопровождали миссис Грей. Я спросила, кто вы, и мне сказали, что вы ее двоюродная сестра, мисс Кэрю, а затем вспомнила: я уже слышала о вас, мисс Хилари Кэрю.

Страх прошел, но вместо него Хилари ощутила волну ярости. Неужели не достаточно испытаний выпало на ее долю во время кошмарного судебного процесса над Джеффри Греем? Эта женщина была одной из зевак, привлеченных его страданиями и мучениями Мэрион. И эта отвратительная женщина решила, что напоминание об их предыдущей встрече поможет ей удовлетворить любопытство, вынюхивая и задавая нескромные вопросы. Да как она смеет?

Она даже не подозревала, как сильно побледнела и как засверкали ее глаза, но женщина вдруг разжала свои скрюченные пальцы и умоляюще подняла руки вверх, будто стремясь остановить взрыв негодования.

— О, мисс, не нужно! О, ради бога, не смотрите на меня так!

Хилари встала. Ей нужно перейти в другое купе. Если эта женщина и не сумасшедшая, то наверняка истеричка. Ей совершенно не хотелось проходить мимо нее, но это в любом случае гораздо лучше, чем стать участницей неприятной сцены.

Но как только она взялась за ручку раздвижной двери, женщина цепко схватила ее за юбку.

— О, мисс, я всего лишь хотела спросить вас о миссис Грей. Я подумала, что вы знаете.

Хилари вновь посмотрела на женщину. Взгляд прозрачных бесцветных глаз был устремлен ей в лицо. Рука, державшая подол юбки, тряслась так, что Хилари чувствовала эту дрожь. Она испытывала непреодолимое желание убежать. Но здесь скрывалось нечто большее, чем просто любопытство. Хотя ей было всего двадцать два, она знала, как выглядят люди, попавшие в беду, она поняла это во время суда над Джеффри Греем. Эта женщина была в беде. Опустив руку, она спросила:

— Что вы хотите знать о миссис Грей?

Моментально разжав пальцы, женщина опять села на скамью. Сделав над собой невероятное усилие, она постаралась придать своему голосу более спокойное, будничное выражение.

— Мне лишь хотелось узнать, как она. Как она держится. Не ради любопытства, мисс. Наверняка она помнит меня, а я все время думаю о ней. О господи, как часто по ночам я не могу уснуть при мысли о ней!

Чувство самоконтроля опять было утеряно. Дрожа и всхлипывая, она снова наклонилась вперед.

— О, мисс, если бы вы только знали!

Хилари опустилась на сиденье. Если эта бедняжка хотела узнать о том, как дела у Мэрион, она не видела причины отказать ей в этой просьбе. У этой женщины такой

болезненный вид. Несомненно, она страдает от сильного душевного расстройства.

Очень мягко она произнесла:

— Простите, что я рассердилась. Мне показалось, вы одна из тех, кто любит поглазеть на чужие несчастья, но если вы знали Мэрион, это совершенно меняет дело. Она... она держалась чертовски храбро.

— Мне было нелегко видеть ее такой, поверьте, мисс. В последний день мне стало совсем тяжело, по-настоящему тяжело. И я попыталась встретиться с ней. Мисс, я говорю чистую правду, я действительно хотела с ней увидеться. Я ускользнула от него, чтобы найти возможность встретиться с ней где-нибудь поблизости, там, где она находилась, но мне не разрешили, мне сказали, что она никого не хочет видеть, она отдыхает.

Внезапно она замолчала, застыв на мгновение с полукрытым ртом и почти не дыша. Затем произнесла шепотом, едва шевеля губами: «Если бы она только встретила со мной». Она подняла свои прозрачные испуганные глаза на Хилари и снова быстро залепетала, дрожа от ужаса:

— Мы не встретились. Отдыхает — вот что мне сказали. А потом он вернулся, и у меня больше не было такой возможности, он об этом позаботился.

Хилари не поняла ни слова из сказанного, но у нее вдруг возникло ощущение — она не случайно оказалась в этом поезде. С той же мягкостью в голосе, что и прежде, она спросила:

— Вы скажете мне свое имя? Миссис Грей будет рада узнать, что вы осведомлялись о ее самочувствии.

Одной рукой в черной перчатке женщина схватилась за голову.

— Я забыла, вы меня не знаете. Это потому, что я позволила себе увлечься. Мне не следовало так вести себя, но когда я вас увидела, то не смогла удержаться. Я всегда питала симпатию к миссис Грей, и мне давно хотелось

узнать, как у нее дела, и о ребенке тоже. С ним все в порядке, не так ли?

Хилари опустила голову. Бедная Мэрион и ее так и не выживший ребенок.

— Нет, — ответила она. — Она потеряла ребенка. Роды начались слишком рано, и ребенок погиб.

Руки в перчатках снова напряженно сомкнулись.

— Я не знала. Рядом не было никого, кто мог бы мне сказать.

— Вы так и не сказали своего имени.

— Нет, — ответила она и быстро вздохнула. — Ах, он сейчас вернется! О, мисс... мистер Джеффри... есть ли от него какие-нибудь известия?

— С ним все в порядке, — ответила Хилари. — Он придет нам, когда у него появится такая возможность. Она навещала его сегодня. Я узнаю подробности после возвращения домой.

Отвечая на этот вопрос, Хилари отвела взгляд и прекратила свои попытки вспомнить имя женщины. Ее глаза заблестели, а сердце наполнилось такой болью, что в нем не осталось места для других вопросов и переживаний. Джеффри получил пожизненный срок, и сегодня Мэрион снова пришлось пройти через эту ужасную процедуру посещения, которая раз за разом лишает ее остатков силы и мужества... Она этого не вынесет. Джеффри, всегда такой жизнерадостный, и Мэрион, которая любит его, но по-прежнему вынуждена жить среди тех, кто считает его убийцей, которого нужно запрятать подальше от людей... Что толку говорить себе: «Я этого не вынесу», — если все продолжается и будет продолжаться, и здесь уже ничего нельзя сделать, как бы тебе этого ни хотелось?

Открыв раздвижную дверь, из коридора вошел мужчина. Хилари поднялась, и он посторонился, чтобы дать ей выйти. Она прошла как можно дальше по коридору и встала у окна, молча глядя на пронесившиеся мимо деревья, поля и изгороди.

Глава 2

— Ты выглядишь ужасно уставшей, — сказала Хилари.

— Неужели? — ответила Мэрион Грей тоном, в котором сквозило безразличие.

— Да-да, и замерзшей. Суп сегодня очень вкусный, честное слово. Он был похож на желе, пока я не разогрела его, но если ты не съешь его прямо сейчас, он быстро остынет, а теплая еда становится отвратительной на вкус.

Голос Хилари был мягким, но настойчивым.

Дрожа, Мэрион сделала один или два глотка, а затем отложила ложку. Она как будто на мгновение очнулась от своих раздумий, а потом погрузилась в них снова. Мэрион не успела раздеться — на ней по-прежнему было коричневое твидовое пальто, составлявшее часть ее приданого, и коричневый шерстяной берет, связанный тетушкой Эммелин. Несмотря на довольно потрепанный вид, пальто не портило впечатление от высокой, изящной фигуры Мэрион. Она была очень, даже слишком худой, но если бы от нее остались только кожа и кости, она все равно не утратила бы своей привлекательности и изящества. Темные, влажные от тумана волосы, сдвинутый назад берет и взгляд серых глаз, затянутых дымкой печали и усталости, придавали ее облику исключительность, подчеркивавшую ее красоту.

— Доедай суп, дорогая, — сказала Хилари.

Мэрион сделала еще несколько глотков. Суп согрел ее. Закончив есть, она откинулась назад. Хилари была добрым человеком, в ожидании сестры она растопила камин, приготовила горячий суп и омлет. Мэрион съела омлет, так как надо поддерживать силы, и, кроме того, Хилари очень старалась, поэтому огорчать ее отказом не хотелось.

— Вода нагрелась, дорогая. Ты можешь принять горячую ванну и поспать, если хочешь.